



Юрий Владимирович ЭЭЛЬМАА,
заместитель директора по методической работе
ФГБОУ МДЦ «Артек», кандидат педагогических наук,
Республика Крым



«Артек» как образовательный лагерь

(стенограмма выступления
на Всероссийском форуме
«Детский лагерь — новое
образовательное пространство»)

Употребление любого неточно определенного термина в любой области человеческой деятельности всегда приводит к недостаточной прозрачности, зыбкости ориентиров, сложностям путей развития. Особенно когда этот термин — ключевой для отрасли. Сегодня я бы сказал, что целая отрасль детских лагерей живет без точных и определенных формулировок, которые определяют ее статус и целеполагание. И потому переживает далеко не лучшие времена. В данном случае я говорю не про «Артек», который сегодня является приоритетным федеральным проектом, а про другие лагеря. Их общее количество — около 42 тыс. (по данным 2015 года), большинство из них пришкольные, стационарных — около 3 тыс. Но юридически их статус не прояснен. Например, проблематика лагерей рассматривается на Комитете Государственной Думы по делам материнства и детства, притом что законодательно детские лагеря

относятся к учреждениям дополнительного образования. Дети зачисляются на обучение (!!!) в лагерь на общеразвивающие программы дополнительного образования, но при этом финансирование в рамках госзадания распространяется на оказание услуг и общего, и дополнительного образования. Нет законодательно оформленных требований к условиям безопасности, лицензирования деятельности лагерей, нет принятых профстандартов в отношении работников этой сферы. Да и сама формулировка «организация отдыха и оздоровления детей» довольно неконкретна. Что такое «отдых», сколько он должен длиться, по каким нормативам? Что такое «оздоровление», каковы его характеристики, кроме разработанных в советские времена «роста и привеса»?

В этом смысле сама формулировка темы «Артек — образовательный лагерь» для нас два года понятна, и мы ее формулиру-

ем именно так, потому что в сентябре 2014 года мы опубликовали документ, в котором была важная мысль: вектор развития «Артека» — самого большого в России и одного из крупнейших лагерей в мире — это вектор образовательного лагеря. И профессиональному сообществу, и людям вовне (родители, власть) нужно объяснять, что этот термин значит, потому что его пытаются переводить в лоб: в образовательном лагере детей посадят за парты и сделают подобие школы.

Важно понять, чем характеризуется детский лагерь как образовательный институт, какими он определяется формулировками и чем он отличается от сфер других?

Момент первый. Образовательные сессии в образовательных организациях бывают разной продолжительности, причем эта продолжительность на качество работы не сильно влияет. Можно 11 лет сидеть за партой — единственное, что у нас государство спрашивает: на сколько ты сдал ЕГЭ; согласитесь, немного странно на решение только этой задачи тратить 11 лет жизни. Любой из людей, который может быть связан с образованием или работает в другой сфере, скажет, что его сформировало. Это две вещи: **события** (которые случались) и **личности** (которые встречались). Образование, когда оно не запланировано, оно всегда только случается. Максимум, что мы можем делать, не будучи слишком самоуверенными, это создавать среду, условия, где с человеком может что-то произойти, случиться, а короткий это период или длинный совершенно не важно. Любой человек вспомнит 5 минут, которые перевернули его жизнь и «образовали» больше, чем курс химии, физики или биологии за все годы, которые он просидел за партой. Может, это история детского лагеря: короткая история довольно концентрированного проживания какой-то очень значимой жизни и структурированной на других основаниях?

Момент второй. Как-то у Е. А. Ямбурга спросили: «Возможно ли, в принципе, такое явление, как трансляция опыта?». Он ответил: «Невозможно транслировать опыт, он есть только персональный. Возможно транслировать ощущения от того, что этот опыт у меня есть». Применительно к лагерю как к образовательному институту мне кажется более точным термин **не «научить»** — это субъектно-объектная история, а **«заразить»**, сделать так, чтобы человеку что-то захотелось делать, двигаться, менять в первую очередь в себе. И лагерь является в этом смысле — по атмосфере, по содержанию деятельности, по происходящим (случающимся) вокруг историям — на мой взгляд, более конструктивным мотиватором, нежели «длинный» формальный институт школы.

Что еще очень важно для многих детей, это первый продолжительный «выход из дома», в этом смысле погружение в лагерь намного более силь-

ное. Мы в образовании знаем довольно большое количество успешных педагогических «кейсов», когда дети помещались в среду, и это было продуктивно. Я абсолютно убежден, что, если бы во второй половине дня, учась в Лицее, Пушкин и его одноклассники ходили бы домой, ничего настоящего с этим «приличным» классом не случилось бы. Я не буду здесь перечислять, кем в истории России стали одноклассники Пушкина. История коммуны Макаренко — это история с совершенно другим вектором, для тех реалий несомненно продуктивная. А «Саммерхилл»? Примеры можно продолжать. Иными словами, в истории педагогики были результативные системы, которые были построены на полном погружении.

Про коллективную деятельность. С одной стороны, мы 70 лет, условно говоря, «маршировали», ходили строем и к моменту развала Советского Союза всех отвращало понятие коллективизма. Как часто бывает, маятник качнулся в другую сторону — в абсолютный индивидуализм. Между тем мир сегодня слишком сложный, чтобы справляться с его проблемами в одиночку. А школа практически опыта конструктивно-коллективистской деятельности не дает. Групповая работа на уроке часто подается как педагогическая инновация. Между тем в образовании горизонтальные связи всегда намного более продуктивны, чем вертикальные. А ситуация лагеря — это абсолютно горизонтальная история, история горизонтальной групповой коммуникации детей. У меня иногда спрашивают: «А вот у вас особые дети, что и как вы делаете, в чем особенности артековской педагогики?» Не умаляя достоинств многих практик работы лагеря, подчеркну, что 90% нашего успеха — это среда и горизонтальные связи. Я часто привожу поразивший меня пример. Я сидел на мероприятии в лагере на костровой одного из лагерей — 500 детей наблюдали выступление феерически танцевавшей девочки. Заметьте, в 12–13 лет у ребенка уже есть опыт, когда на него смотрят и позитивно оценивают 500 сверстников по окончании аудитория встает и аплодирует. Возникает вопрос: что для этой девочки более значимо — эти 3 минуты танца или все 11 лет школы? У меня нет ответа, как нет его у вас. Но история не об этом. Передо мной сидят мальчик и девочка и в конце танца девочка тихо говорит: «Представляешь, она со мной в одной комнате живет». Это огромнейшей силы педагогический акт, воспитательный акт. Великие — они не настенные портреты, они среди нас. Среда создается во многом за счет горизонтального контакта с «wow-человеком». В Артеке, куда дети приезжают по модели «поощрение за достижения», приезжают дети с широко распахнутыми глазами, им здесь задается норма, точка отсчета. Норма — это книжки читать, норма — это умную музыку слушать... Знаете, мне иногда кажется, что главное, что мы можем и должны делать, —



Образовательные технологии и детский лагерь

минимально мешать горизонтальным связям между детьми, просто давать поводы для выстраивания этих «мостов». И в этой среде история коллективистского взаимодействия продуктивна больше, чем любое вертикальное «правильное педагогическое воздействие».

Как человек, 20 лет работающий в образовании, я возьму на себя смелость сказать, что, когда собираются в одной организации только учителя, — это аудитория, как бы сказать, достаточно скучная, однотипная. Люди, которые умеют только учить, у них нет второй смежной профессии, эта аудитория для ребенка не самая интересная. Лагерь позволяет при определенном подходе создать образовательную среду, которая состоит и из учителей, людей с педагогическим образованием, и профессионалов в других областях. Например, у нас есть профессиональные художники, да, пусть у них нет педагогического образования и они, может, не знают методики преподавания, но когда ребенок видит, как рука мастера что-то делает, все методики становятся вторичными. У нас есть гончарная мастерская, в которой дети видят, как из ничего, здесь и сейчас, появляется настоящая и красивая вещь. Профессионал руками делает то, о чем учитель рассказывает. Школа часто не может себе позволить по юридическим причинам привлекать этих людей к совместной работе. А лагерь может.

В детском лагере можно попробовать то, что не попробуешь на «большой земле». Этот пункт можно назвать артековским, у нас есть богатая образовательная инфраструктура. Но и в других лагерях есть другая богатая среда: лес, река, любое другое пространство, по-другому созданное. Один приезжавший директор небольшого иностранного лагеря мне рассказывал, что они детей в лагере учат делать лук и потом стрелять из него. Где это сегодня попробуешь?

Также очень важно окружение из своих. Вся наша образовательная система построена на предъявлении результата и верификации этих результатов людьми, которые менее авторитетны, потому что отношения с ними вертикальны. Хороший пример: ребенок создает сетевой проект, как он формулирует его отличие от школьного сочинения? *«Сочинение я сдам, и учитель его проверит. А если я опубликую проект в интернете, это увидят люди, которым может быть это интересно»*. Это совершенно другая степень нужности того, что я, ученик, сделал. Мы привыкли к тому, что учебный результат не ценен сам по себе, он имеет относительную ценность для ученика, он нужен для того, чтобы сдать и получить какую-то оценку. А если сделать что-то действительно ценное и важное и получить признание? Это более лагерная история, чем история школьная.

Лагерю сегодня очень важно четко заявить, почему он — образовательный институт. Как он рабо-

тает по-другому, чем он может компенсировать дефициты формального образования. Образование формальное сегодня находится в довольно жестких рамках, а среда детского лагеря значительно свободнее и вариативнее.

Очень важный момент по определению целей. Традиционно считается, что школа — это область предметных результатов. Личностные результаты считают психологи, и они всегда отсрочены. Есть метапредметные результаты, компетенции — они сложно индицируются, но при этом они для современного человека очень важны. Они как раз и есть основная целевая ориентация современных стандартов. Я приводил как-то пример, что мне нравится рекомендательное положение британского образовательного стандарта: каждому ребенку рекомендуется на 3 недели в году поехать в лагерь — как раз для компенсации дефицита формального образования, для того, что он не получит, чему не научится в школе. И именно для этого нужен лагерь. Такие вещи должны быть, по моему мнению, и в российском стандарте. Иначе мы вырастим общество индивидуалистов, которые только сидят в гаджетах и мира вокруг не видят.

Лагерь пока не очень внятно объясняет, зачем он нужен. Он говорит: мы не школа, мы про другое. Школа часто думает, что лагерь — вещь непонятная, там работают аниматоры, которые развлекают детей, а «мы даем серьезное фундаментальное образование, без нас вы ЕГЭ не сдадите». Обе позиции не конструктивные. Мы пытаемся в нашей технологии СОМ объединить ресурсы общего и дополнительного образования, объединить сильные стороны школы и лагеря. СОМ — формат реализации учебного процесса, ориентированного на использование всех возможностей образовательной среды «Артека» и Крыма для обеспечения качественного образования с результатами, соответствующими требованиям ФГОС.

Это рабочее определение. Но в нем есть компоненты, значимые для нас. Важно: мы ничего педагогически нового не придумали. Это технология **организации** образовательного процесса, синтетическая конструкция, которая собрана из разных педагогических технологий. Это интегрирующая активная педагогическая практика неформального образования, которая «опрокинута» на среду детского лагеря. Важно также, что это пример деятельности в открытой образовательной среде, как говорилось выше, образовательный процесс происходит там, где он случается: может, в классе или в рекреации школы, может быть, на природе, может, в лагере, а может, на горе Аю-Даг — не зависит сила образовательного акта от места его проведения. И здесь учебным классом является все пространство «Артека». Примеров масса: сообщающиеся сосуды можно изучать на водопа-



Образовательные технологии и детский лагерь

дах, литературу — в музеях Пушкина и Чехова, а биологию — в парках «Артека» или Никитского ботанического сада. По сути, Крым — это очень семиотизированная среда, насыщенная знаками, вопрос только в том, чтобы эти знаки превратить в учебные артефакты. Чтобы учитель мог видеть объекты для изучения в окружающей реальности, а не только в учебнике и тетрадке. В лагере это делать намного проще, но опять же тут очень важна профессиональная культура людей, которые это реализуют.

Без соотнесения с государственным стандартом, с попытками выйти на образовательный результат лагерь не войдет в образовательный контекст. Только доказательно от результатов, проводя исследовательские измерения за этот короткий

период на входе и на выходе, мы сможем доказать, что эта технология приводит к изменениям, изменениям исчислимым и ощутимым. А нам важно увидеть, что это организационная или комплексно-педагогическая технология работы. Без этого это будет очередная декларативная идея.

Заканчивая. Включение лагеря в контекст образовательной системы — это, на мой взгляд, вопрос выживания отрасли. Сегодня многим лагерь видится только как место отдыха. Когда будут говорить, что в детский лагерь правильно ехать учиться, учиться по-другому, и в это будут верить родители, и с финансированием лагерей будет все нормально. Только эта история должна быть доказательной. Детский лагерь может помочь школе выполнить ФГОС не на бумаге, а в реальности. ■

